

УДК 821.161.2 – 311.1.09'06

Л.В. Черниенко

ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Русская литература 30-х – 70-х годов XX века, по известным причинам, во многом выпала из мирового литературного процесса. Целый род явлений, характерных для западноевропейских литератур, объявлялись чуждыми советской литературе, присущими только буржуазной культуре. Особенно яростно нападали на прозу «потока сознания».

Борьба с «буржуазными веяниями» сказывалась не только на литературной практике, но и на развитии теории литературы. Так, в советском литературоведении практически не упоминалась «четвертая функция» художественной литературы – функция авторского самовыражения, но что в теории западной обращали самое серьезное внимание.

Конец 80-х – 90-х годы XX столетия многое изменили в проблемно-тематической и художественной системе литературы. Возможность использовать свободно (по авторской воле) все существующие формы и приемы изображения жизни и человека привела к активации некоторых форм, ранее «не поощряемых» официальной критикой. В числе таковых – исповедальность, которую исследователи напрямую связывают с гипертрофией авторского самовыражения.

О стремлении писателей к максимальному самовыражению в различных родах литературы размышляют (более или менее пространно) М. Абашева, М. Громова, В. Гусев, А. Мережинская, А. Немзер, М. Черняк, С. Чупринин, И. Шайтанов, Г. Нефагина. Однако эта проблема еще недостаточно разработана в сравнении с другими актуальными темами современного литературоведения.

В задачи данной статьи входит выявление некоторых принципиально важных аспектов означенной проблемы.

«Самовыражаться» современные художники могут различно.

«Потребность в новой самоидентификации» (М. Абашева) чаще всего отражается в небывалой ранее тяге к биографизму и автобиографизму. В конце 1990-х годов автобиографическое начало усиливается даже в таких нехудожественных жанрах, как научное исследование, которое нередко обрастает контекстом персонального житейского опыта – как в «Записях и выписках» М. Гаспарова, «Конце цитаты» М. Безродного (ранее, в начале 80-х, – «Разбилось лишь сердце мое» Л. Гинзбурга).

Публикации начала XXI века подтверждают тенденцию к развитию биографичности и автобиографичности. Роман «НРЗБ» С. Гандлевского, получившие букеровскую премию «Карагандинские девятины» О. Павлова, романы Н. Горлановой, чьи произведения некоторые читатели считают «слишком автобиографичными», «Духless», «The тёлки» С. Минаева и некоторые другие.

Даже самые молодые (до 30 лет), у которых еще нет серьезного жизненного опыта, в поиске новых форм тоже опираются на невеликий пока багаж собственной биографии. Показательна в этом плане книга Е. Луканкиной «Когда мы стали животными. История болезни» (2009 г.). На момент появления романа (авторское определение жанра) Луканкиной было 28 лет. Писательница уже на первых страницах заявляет, что «память – единственный рай, из которого нас нельзя изгнать» [2, с. 22], и далее, пытаясь объяснить автобиографизм своего произведения и стремление молодых авторов к предельному самовыражению, формулирует это следующим образом: «Молодежь... ищет судорожно своё расчлененное «я» [2, с. 81].

Такая тенденция свойственна не только литературе «центральной», столичной, но и провинциальной, «краеведческой», как ее нередко именуют. Так, в луганском альманахе «Крылья» (выпуски 3 и 4) опубликована роман-поэма (авторское определение жанра) «В той жизни, или Почта СССР» М. Ткачука, отличающийся концентрированной автобиографичностью, которая трансформируется в еще более интимизированную форму самовыражения – исповедь. Эта трансформация принципиально важное явление в современной литературе.

Нагнетание исповедальности усиливается за счет активизации в системе персонажей литературы последних двух десятилетий «гамлетизированной личности» (Лев Данилкин), весьма приверженной к «диалогическим монологам», которые определяют лингвистическую суть исповеди. Наиболее наглядно и последовательно это прослеживается в *монопьесах* – продуктивном и даже модном явлении драматургии конца XX – начала XXI веков: только за последние годы прошлого века и начало нынешнего появилось около двух десятков интересных монопьес. Особое внимание исследователей и режиссеров привлекли (в порядке появления) «Фирс будет жить» В. Леванова (1996), «Одуванчик» Ю. Эдлisa (1999), «Комплекс Тимура» А. Розанова (2000), «Инопланетянин» Е. Унгарда (2003), «Сотовый» О. Кучкиной (2003), «Нелегал» В. Тетерина (2005), «Табу, актер!» С. Носова (2005), «Пельмени» О. Михайлова (2005), «Прощай, настройщик!» В. Леванова (2007).

Пристально следят литературоведы и театроведы за творчеством Евгения Гришковца, который работает над разными видами монопьес, сам их ставит как режиссер и разыгрывает как актер. Не случайно среди специалистов по современной драматургии он получил прозвище «человек-театр».

Монопьеса интересна и показательна как особое межжанровое образование и проявление одной из актуальных форм психологического анализа в драме. И, что необходимо подчеркнуть, – исповедальность в большинстве монопьес окрашена ироничностью (в разной степени), т.е. самоирония в пьесах-монологах – важный прием самораскрытия персонажа, углубления в его «я». Показательны в этом плане «Одуванчик» Ю. Эдлisa, «Комплекс Тимура» А. Розанова, «Одновременно», «Как я съел собаку» Е. Гришковца.

В драматургии исповедальность включает зрителя в мир героя не только в плане традиционного сопереживания, но и проживания чужой жизни (иллюзия перевоплощения).

В прозе исповедальное начало как сюжетообразующее и осуществляющее связь «автор – персонаж – читатель» многоаспектно представлено у В. Пьецуха, Ю. Полякова, Е. Сазанович, Л. Улицкой,

С. Минаева, А. Мелихова (его прозу М. Абашева метко назвала «интеллектуально-исповедальной»), О. Павлова, Н. Горлановой, А. Кабакова. В. Гусев говоря о современной прозе, заметил: «*Сегодня писатель обречен* (выделено мной – Л.Ч.) на поиск новых форм диалога с читателем, если он надеется быть услышанным среди грохота аудиовизуальных средств массовой информации, если он хочет, чтобы его книгу выделяли среди ярких обложек детективных и любовных романов, заполонивших прилавки магазинов» [1, с. 175].

Именно исповедальность максимально субъективирует повествование, создает особую интимную манеру общения с читателем, а также иллюзию соавторства писателя и читателя. Здесь следует обратить внимание на творчество Ю. Полякова, в частности на его знаменитого «Козленка в молоке»: «Время, когда можно было зарабатывать на пионерских приветствиях, безвозвратно ушло, а написать нечто стоящее или, как я выражаюсь, «главненькое» мне не удалось и уже никогда, наверное, не удастся, но жить-то надо!

Если же быть совсем откровенным, то повесть у меня застопорилась задолго до того, как я улетел на Сицилию, на этот дурацкий день рождения, вылившийся в конференцию по обмену опытом между отечественными и итальянскими мафиози. Ведь с повестью – как с женщиной: если ты, обнимая ее, думаешь о другой, разрыв – просто вопрос свободного времени. Сочиняя эту чепуху я чувствовал себя мерзавцем, который изменяет своей невинной, как свежий гигиенический тампон, невесте с привокзальной цыганкой. И вот однажды, проснувшись утором, я почувствовал, что ненавижу все: сюжет, героев, пишущую машинку, себя... Я ненавижу эту мерзкую, задышливую жизненную борьбу, не оставляющую ни сил, ни желаний для борьбы за мечту. В этом, кстати, и заключается главное, базисное свинство бытия: осуществить мечту можно только за счет тех сил, какие обычно тратятся на борьбу за жизнь. Замкнутый круг. И разорвать его невозможно. Почти... Тех, кому это удалось, можно сосчитать по пальцам... Нет, мир стоит не на слонах, не на китах и даже не на быках. Мир стоит на трех огромных свиньях, грязных, смердящих и прожорливых...

Единственный раз в жизни у меня был шанс разорвать этот проклятый круг, но я воспользовался им, как дуралей, который по счастливой случайности выпустил джина из бутылки (именно из бутылки!), а на громовой призыв: «Спрашивай, чего хочешь!» спросил: «Который час?» [4, с. 15].

В этом монологе главного героя сосредоточено немало проблем и бытия, и быта человека рубежа тысячелетий, но в первую очередь это саморазоблачительная исповедь, форма которой – доверительная беседа с близким человеком (самим собой и читателем).

Подобные формы и приемы обнаруживаются В. Пьецуха, А. Иванова (особенно в его известном романе «Географ глобус пропил»), В. Токаревой, А. Марининой (романы 2006–2009 гг.), Ю. Буйды, Т. Толстой, Д. Рубиной, А. Кабакова, В. Маканина, в принципе – у большинства современных прозаиков. Даже у тех, кто пишет для детей и подростков, например, у Г. Гордиенко («Соперница из 8«А»»), Т. Михеевой («Не предавай меня!») и других.

В лирике откровенная, «есенинская», исповедальность присуща в большей мере женщинам (Л. Миллер, М. Аввакумова, И. Кабыш, В. Павлова, Е. Исаева, И. Лиснянская и др.) и поэтам-ироникам (Т. Кибиров, А. Левин, И. Иртеньев, И. Губерман, В. Вишневский). В лирике же наиболее оригинально, на наш взгляд, отражена так называемая «опосредственная исповедальность», особенно у поэтов-авангардистов.

Игорь Степанов: «Я гордость свою накрахмалил

Так, что она, как кол, стоит

И слегка натирает мне шею.

Я ум свой начистил ваксой,

Теперь он блестит

Черным загадочным цветом.

Я умею

Красиво завязывать узел –

Я завязал все свои манеры,

Как галстук, навесил на шею...» [5, с. 7].

Исповедальность активизирует в поэзии медативное направле-

ние и возрождение стихов-молитв (духовная лирика).

Л. Миллер: «Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне весны мои, зимы –
– Все, мною с детства познано и зримо;
– зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влеки меня ты под чужую крышу;
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далеком» [3, с. 49].

Усиление исповедальности в лирике предельно обнажает ее природу, родовую принадлежность, провоцируя создание лирики «в квадрате».

Формы исповеди, предоставленные в современной литературе, многообразны: исповедь-самоанализ, исповедь-самоутверждение, исповедь-оправдание, исповедь-поучение, исповедь-мольба, исповедь-игра и т.д. Кроме того, необходимо учитывать такой прием, как имитация исповеди (либо по форме, либо по содержанию, либо и то, и другое). Так, в повести Л. Улицкой «Сквозная линия» в главе «Диана» представлена имитация исповеди (рассказы Айрик – Жене). Женья, которую избрали слушателем «исповеди», после того как узнала правду, «лежала в темноте и исследовала свою душевную рану. Рана была двойная. Одна – от потраченного зазря сострадания к несуществующим, гениально выдуманым и бесчеловечно убитым детям, особенно к Диане. Болело вроде ампутированной ноги – несуществующее. Фантомная боль. Хуже того – никогда и не существовавшее. И вторая – обида за себя самое, глупого кролика, над которым совершили бессмысленный опыт. Или смысл какой-то был, но недоступный пониманию...» [6, с. 55].

Особая проблема – исповедальный стиль, который очень изменился даже не в сравнении с XIX веком, но с серединой XX-го (лирическая проза шестидесятников). В последние полтора – два десятилетия принципиальное влияние на формальные признаки исповеди оказывает *подтекст*, ставший универсальным средством невербальной коммуникации автора и читателя в современной литературе, и

постмодерністські проявлення: глобальна іронічність, інтертекстуальність.

Один из важнейших признаков исповеди современного типа – усиление диалогического начала в монологе. В термине «диалогический монолог» вначале акцент делался на втором слове. Сейчас два акцента: компоненты словосочетания равнозначны.

Биографизм, автобиографизм, исповедальность – взаимосвязанные и взаимопереходящие явления в современной литературе, в корне меняющие многие традиционные свойства литературы (например, взаимоотношения сюжета и фабулы в прозе и драме, структуру лирического героя в поэзии) и в то же время позволяющие отразить многие существенные стороны современной жизни через душу человека (автора, персонажа), причем, в отличие от привычного психологического анализа, исповедальность создает иллюзию документальности (эмоциональной, биографической, очевидческой – рассказ свидетеля неких событий).

Исповедальность позволяет объединить в некую особую реальность внутренний мир автора, персонажа и читателя, что в свою очередь дает эффект типизации жизненных явлений, даже если писатель такой задачи перед собой не ставил, работая в импрессионистической манере, т.к. «бессознательное стремление к целостному и мировоззренчески – эстетическому пониманию жизни» (И. Ильин) присуще всем истинным художникам слова.

Проблема «автобиографизма-исповедальности» имеет серьезные перспективы исследования. В частности, очень важно, на наш взгляд, определить роль эссеистических произведений в процессе развития исповедальности и значение прозаических миниатюр, таких, например, как «Мгновения» Ю. Бондарева, над которыми писатель работал более двух десятилетий, начиная с середины семидесятых.

Литература

1. Гусев В.А. Литература в ситуации переходности / В.А. Гусев. – Днепропетровск: Видавництво Дніпропетровського національного університету, 2007. – 276с.

2. Луканкина Е. Когда мы стали животными... История болезни / Е. Луканкина. – М.: ИПО «У Никитинских ворот», 2009. – 168с.
3. Миллер Л. Заметки, записи, штрихи... / Л. Миллер. – М.: Глас, 1997. – 192с.
4. Поляков Ю.М. Козленок в молоке / Ю. Поляков. – М.: «ОЛМА – ПРЕСС», 1997. – 464с.
5. Степанов И. Я гордость свою накрахмалил... / И. Степанов // Парус. – 1989 – №5. С.7.
6. Улицкая Л.Е. Второе лицо / Л.Е. Улицкая. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 224с.

Анотація

Л.В. Черніснко. Про одну з форм психологічного аналізу в російській літературі рубежу тисячоліть.

В статті йде мова про таке принципово важливе явище сучасної літератури, як посилення автобіографізму (біографізму) та трансформацію його в сповідальність. Нагнітання сповідальності посилюється завдяки активізації в системі персонажів сучасної літератури «гамлетизованої особистості», яка дуже привержена до діалогічних монологів, які визначають лінгвістичну суть сповіді. Найбільш наочно та послідовно це просліджується у моноп'єсах – продуктивному, навіть модному явищі драматургії кінця ХХ – початку ХХІ століть. В прозі сповідальне начало як сюжетобудівне та здійснююче зв'язок «автор – персонаж – читач» багатоаспектно представлено у В. П'єцуха, Ю. Полякова, О. Сазанович, Л. Улицької, С. Мінаєва, О. Кабакова, О. Меліхова. Саме сповідальність максимально суб'єктивує розповідання, створює особливу інтимну манеру спілкування з читачем, а також ілюзію співавторства письменника та читача. В ліриці відверта «есенінська» сповідальність більш властива жінкам (Л. Міллер, М. Аввакумова, І. Кабиш, В. Павлова, О. Ісаєва, І. Лиснянська та ін..) та поетам-іронікам (Т. Кібіров, О. Левін, І. Іртеньєв, І. Губерман, В. Вишневський). Автор статті стверджує, що біографізм, автобіографізм, сповідальність – взаємозв'язані та взаємопереходні явища в сучасній літературі, що докорінно змінюють традиційні якості літератури і в той же час дозволяють відобразити багато суттєвих сторін сучасного життя через душу людини.

Ключеві слова: автобіографізм, сповідальність, психологізм, іронія, самоіронія.

Аннотация

Л.В. Черниенко. Об одной из форм психологического анализа в русской литературе рубежа тысячелетий.

В статье идет речь о таком принципиально важном явлении современной литературы, как усиление автобиографизма (биографизма) и трансформации его в исповедальность. Нагнетание исповедальности усиливается за счет активизации в системе персонажей современной литературы «гамлетизированной личности», весьма приверженной к «диалогическим монологам», которые определяют лингвистическую суть исповеди. Наиболее наглядно и последовательно это прослеживается в монопьесах – продуктивном и даже модном явлении драматургии конца XX – начала XXI веков. В прозе исповедальное начало как сюжетобразующее и осуществляющее связь «автор – персонаж – читатель» многоаспектно представлено у В. Пьецуха, Ю. Полякова, Е. Сазанович, Л. Улицкой, С. Минаева, А. Мелихова. Именно исповедальность максимально субъективизирует повествование, создает особую интимную манеру общения с читателем, а также иллюзию соавторства писателя и читателя. В лирике откровенная, «есенинская», исповедальность присуща в большей мере женщинам (Л. Миллер, М. Аввакумова, И. Кабыш, В. Павлова, Е. Исаева, И. Лиснянская и др.) и поэтам-ироникам (Т. Кибиров, А. Левин, И. Иртеньев, И. Губерман, В. Вишневский). Автор статьи утверждает, что биографизм, автобиографизм, исповедальность – взаимосвязанные и взаимопереходящие явления в современной литературе, в корне меняющие многие традиционные свойства литературы (например, взаимоотношения сюжета и фабулы в прозе и драме, структуру лирического героя в поэзии) и в то же время позволяющие отразить многие существенные стороны современной жизни через душу человека.

Ключевые слова: автобиографизм, исповедальность, психологизм, ирония, самоирония.

Summary

L.V. Chernienko. About one of the forms of psychological analysis in Russian literature of the border of millenniums.

The article describes such fundamentally important phenomenon of contemporary literature as increasing autobiographical element (biographism) and its transformation into confessional. Discharge of confession enhanced by activating the system of character in contemporary literature «gamletized personality», that is committed to the «dialogic monologues», define the linguistic essence of

confession. Most clearly and consistently it can be seen in monoplays – productive and even trendy phenomenon in drama of late XX – early XXI centuries.

In prose the confessional element as plot-structuring and communicating the connection «the author – the character – the reader» in variety of aspects is represented in works of V. Petsuh, Yu. Polyakov, E. Sazanovich, L. Ulitskaya, S. Minaev, A. Melihov. It is the confessional element that subjectifies narrative and creates a special intimate way of communicating with the reader, as well as the illusion of co-authorship of the writer and the reader.

In lyric outright «Esenin's» confession is mostly inherent in women's works (L. Miller, M. Avvakumova, I. Kabysh, V. Pavlova, E. Isaeva, I. Lisnyanskaya etc.) and poets-ironists (T. Kibirov, A. Levin, I. Irtenev, I. Guberman, V. Vishnevsky). The author argues that biographism, autobiographism, confession are interrelated phenomena in contemporary literature. They are radically changing the properties of many traditional features of literature (eg, the relationship of the plot and storyline in prose and drama, the structure of lyrical poetry) and allow to reflect many of the essential aspects of modern life through the human soul .

Keywords: autobiographism, confessional, psychology, irony, self-irony.